

Дверь палаты тихо затворилась. Дождавшись, пока затихнут удаляющиеся шаги Чжоу Цзыфэя, Шэнь Цзя открыл глаза.

Опершись на всё ещё слабоватые руки, он сел на кровати и дотянулся до телефона, лежавшего на тумбочке.

Взял ли его Чжоу Цзыфэй, когда в спешке вёз его в больницу, или съездил за ним позже — Шэнь Цзя не решался размышлять об этом. Стоило лишь задуматься или спросить, как наружу вылезет ответ, к которому он сейчас попросту не готов.

Экран пестрел уведомлениями. Все — от Шэнь Цяньлуна. Шэнь Цзя бегло пролистал их: опять требования денег. Тот, похоже, даже пытался прорваться в его жилой комплекс, но охрана развернула его у ворот.

Неожиданностью стали сообщения от Юй Сяньхана:

«Я перевёл тебе триста тысяч. Больше по поводу денег Шэнь Цяньлуна ко мне не обращайся».

«Расписка аннулирована. Считай эти деньги отступными, да и тот пинок я тебе прощаю».

Сообщения пришли минут через десять после того, как Юй Сяньхан ушёл из его квартиры. Не получив ответа, тот, видимо, всерьёз разозлился и ближе к ночи добавил:

«Шэнь Цзя, ты совсем берега попутал? Видишь сообщения и молчишь?»

«Что, триста тысяч мало?»

«Не ответишь сегодня — вообще больше не пиши».

С тех пор шёл уже второй день, перевалило за полдень, и Юй Сяньхан больше не написал ни строчки.

Будь это ещё пару дней назад, Шэнь Цзя забился бы в панике, засыпал бы его оправданиями, сгорая от обиды и боли. Но сейчас внутри не отозвалось ничего. Лишь накатила глухая, тяжёлая усталость.

Шэнь Цзя больше не хотел быть должным Юй Сяньхану — ни в чём.

Прежде они были супругами, одной семьёй, и понятия «долг» для них не существовало — все усилия прилагались ради общего дома. Но последние два месяца они оставались чужими людьми. Юй Сяньхану вовсе не следовало так поступать, тем более что Шэнь Цяньлун устроил

скандал у него в компании и явно наделал проблем.

Размышляя об этом, Шэнь Цзя открыл диалог, чтобы вернуть триста тысяч, но вместо отправленного сообщения перед глазами вспыхнул алый восклицательный знак.

Юй Сянхан заблокировал его. Впервые в жизни.

Прядь чёрных волос спала на лицо, закрывая профиль. Шэнь Цзя растерянно смотрел на красный значок ошибки.

Он ждал, что вот-вот хлынут слёзы или занывшее сердце сожмётся от боли, но снова ничего не почувствовал. Словно подобный исход был разумеющимся.

Опомнившись от легкого оцепенения, Шэнь Цзя сохранял холодный рассудок. Он открыл банковское приложение и перевёл деньги обратно прямо на счёт. Заодно написал сухое, искреннее извинение, пообещав, что Шэнь Цяньлун его больше не побеспокоит.

И насчёт той фотографии...

Шэнь Цзя написал, что ему невероятно жаль, он понятия не имел о существовании снимка и готов компенсировать ущерб в любой момент.

Но не успел он допечатать, как переписку снова заблокировали.

Должно быть, на этот раз Юй Сянхан выбесился окончательно. Но Шэнь Цзя вздохнул с облегчением: деньги возвращены, позиция обозначена предельно чётко. Навязываться и умолять о прощении больше не требовалось. Как и говорил Юй Сянхан, лучшее, что он мог сделать — держаться от его жизни как можно дальше.

Взгляд упал на заставку телефона — их совместное фото. Вдруг осознав нелепость происходящего, Шэнь Цзя зашёл в настройки и сменил обои. Теперь на экране алел вечерний закат — снимок, сделанный в тот день, когда он вместе с Чжоу Цзяи ждал у детского сада Чжоу Цзыфэя.

Затем он открыл галерею и принялся методично стирать снимки. Один за другим. Дойдя до самой старой фотографии — со студенческого выпуска, — он замер. Пальцы едва ощутимо коснулись лиц двух юношей в мантиях выпускников. Шэнь Цзя занёс палец над кнопкой «Удалить безвозвратно», но так и не решился нажать.

Дверь тихо отворилась, и раздался удивлённый голос Чжоу Цзыфэя:

— Учитель Шэнь, вы уже проснулись?

От неожиданности Шэнь Цзя вздрогнул, палец соскользнул — и последняя совместная карточка с Юй Сянханом канула в небытие.

Не успел он осознать произошедшее, как отложил телефон. Всё внимание переключилось на вошедшего — точнее, на пакет у него в руках.

Оттуда доносился аппетитный тонкий аромат. Для человека, голодавшего полтора дня, это испытание оказалось невыносимым.

Заметив, как вспыхнул и прилип к пакету взгляд Шэнь Цзя, Чжоу Цзыфэй невольно улыбнулся.

«Точно голодный котёнок».

Подойдя к койке, он поставил пакет на тумбочку и с наигранным недоумением спросил:

— Учитель Шэнь, вы чего на меня так смотрите?

Сказать прямо, что хочет есть, Шэнь Цзя стеснялся. Пришлось молчать, переводя умоляющий взгляд с пакета на лицо Чжоу Цзыфэя, всем видом намекая на свой голод. Но встретившись с ним глазами, он смутился и мгновенно отвёл взор.

Чжоу Цзыфэй уже собрался подшутить над ним, как из живота Шэнь Цзя раздалось отчётливое урчание.

Звук мгновенно оборвал несказанные слова.

Бледное лицо Шэнь Цзя залил густой румянец. Он инстинктивно прикрыл живот ладонью, в панике опустив глаза, а длинные ресницы судорожно задрожали.

«Какое позорище! Нужно было просто сразу сказать!»

От стыда хотелось провалиться сквозь землю или зарыться с головой в одеяло. Он замер на кровати, не смея шелохнуться.

Чжоу Цзыфэй не удержался от тихого смешка, но развивать тему не стал. Разворачивая пакет, он проговорил:

— Я принёс вам жидкой рисовой каши. Специально остудил, чтобы была чуть тёплой.

Он открыл контейнер и, улыбнувшись, спросил:

— Не знаю, проголодались ли вы, Учитель Шэнь, но не согласитесь ли попробовать?

Перед Шэнь Цзя появилась деревянная ложка. Он медленно поднял голову. Чжоу Цзыфэй держал в руках круглый термоконтейнер с двумя ручками и смеющимися глазами смотрел на него.

Он не стал навязывать помощь, не стал спрашивать, почему тот молчал о голоде. Он просто подал ложку и спросил, не хочет ли тот отведать каши, приготовленной специально для него.

В душе Шэнь Цзя снова поднялось то странное, тёплое чувство. Чжоу Цзыфэй был намного младше, но вёл себя словно старший брат — чутко и бережно опекал на каждом шагу.

— Спасибо тебе, Цзыфэй...

Взяв контейнер и ложку, Шэнь Цзя стал медленно есть приятную, чуть тёплую кашу. Чжоу Цзыфэй уселся рядом и стал листать что-то в телефоне, но Шэнь Цзя то и дело ловил на себе его заботливый взгляд.

От этого простого внимания стало так уютно и тепло, что захотелось поделиться с Чжоу Цзыфэем чем-то личным. Но его собственная скучная, серая жизнь не содержала ничего интересного для бесед, и от этой мысли Шэнь Цзя неосознанно пал духом. Он пару раз помешал кашу ложкой, чувствуя, как портится настроение.

— Учитель Шэнь, вам всё ещё плохо?

— Нет, уже лучше.

— Каша вкусная?

— Очень...

— Тогда почему вы вдруг загрустили?

Шэнь Цзя промолчал. Он не ожидал, что Чжоу Цзыфэй окажется настолько проникательным. Или тот всегда был таким, а Шэнь Цзя просто заметил это лишь за последние два дня?

— Я... хотел поговорить с тобой, но даже не знаю, с чего начать, — немного помешкав, честно признался он.

Чжоу Цзыфэй на миг замер. Взглянув на пустую пиалу в руках Шэнь Цзя, он сначала аккуратно забрал посуду, накрыл крышкой контейнер и убрал его обратно в пакет. Лишь

закончив с этим, он тихо произнёс:

— Да о чём угодно. Я с удовольствием послушаю всё, что вы скажете, Учитель Шэнь.

— Я... со мной скучно. Я почти ни с кем не общаюсь, — еле слышно пробормотал Шэнь Цзя, смущённый собственной неловкостью и замкнутостью.

— Вот именно поэтому и нужно говорить, — Чжоу Цзыфэй повернулся к нему. Его глаза, обычно казавшиеся суровыми, сейчас светились глубоким и мягким участием. — Если копить в себе обиду и печаль, рано или поздно они разорвут тебя изнутри.

Шэнь Цзя не отвёл взгляда. Смотря на собеседника, он вдруг чётко осознал: «Он переживает за меня. Из-за той глупости, что я совершил, он искренне и тайком беспокоится. Он хочет знать причину, но боится сделать мне больно, поэтому действует так осторожно».

А когда о тебе так заботятся, невероятно трудно удержать в себе всю ту боль, что накопилась в душе.

— В тот день... ко мне приходил бывший муж. Он...

Шэнь Цзя сглотнул подступающий ком.

— Он наговорил мне страшных вещей. Я думал, что за столько времени после развода мне уже всё равно. Но когда он появился... я понял, что мне всё ещё больно.

Он горько усмехнулся:

— Разве я не жалок? После развода он мгновенно нашёл себе другого, и только я один всё ещё цепляюсь за прошлое. На мгновение, когда он осыпал меня проклятиями, я даже подумал: а вдруг у нас ещё есть шанс всё вернуть?

— Нет, Шэнь Цзя. Это значит только одно: ты верный и глубокий человек. Ты любил куда искреннее, чем он. В этом нет ничего жалкого.

Чжоу Цзыфэй снова назвал его просто по имени, точно так же, как в тот вечер на закате. Каждый раз, когда Шэнь Цзя начинал заниматься самоедством, Цзыфэй произносил его имя с особенной, почти священной серьёзностью, разубеждая его.

— В этом абсолютно нет ничего жалкого. Твоя способность любить — драгоценна. Просто человек, причинивший тебе боль, был тебя не достоин.

Чжоу Цзыфэй подался чуть вперёд, не сводя пристального взгляда с его глаз.

Шэнь Цзя слабо улыбнулся. Уголки его губ чуть приподнялись, хотя в глазах всё ещё стояла грусть.

— Правда? А мне всегда казалось, что дело во мне. Что я недостаточно хорош, чтобы меня любили, потому меня и бросили.

Желваки на скулах Чжоу Цзыфэя судорожно сжались. От сочувствия и боли за него перекосило лицо, но он сдержал порыв.

— Как ты можешь так говорить?.. Шэнь Цзя, у тебя впереди вся жизнь! Неужели из-за одного ничтожества стоит решать, что ты не достоин любви? Возможно, впереди тебя ждёт тот, кто будет намного лучше. Тот, кто, может быть, искал тебя всю жизнь.

В этих словах звучал слишком прозрачный намёк, и Чжоу Цзыфэй тут же пожалел, что не сдержался.

Однако Шэнь Цзя не заметил ничего необычного. Он лишь опустил взгляд, заправил прядь волос за ухо и тихо проговорил:

— Я больше ничего подобного не жду.

Чжоу Цзыфэй вспыхнул от тревоги:

— Почему? Почему не ждёшь?

— Потому что когда-то он тоже был ко мне невероятно добр, — Шэнь Цзя тихим голосом погрузился в воспоминания. — Ты не представляешь... Он дрался за меня, подставлял спину под нож, ради меня даже порвал связь с семьёй. Он клялся, что будет любить меня вечно. Но в итоге всё равно изменился. Так к чему ожидания? Даже если я встречу кого-то замечательного, всё закончится точно так же.

Шэнь Цзя говорил ровно, опираясь на подушки. Его бледная кожа в лучах полуденного солнца казалась почти прозрачной, словно хрупкий фарфор.

Чжоу Цзыфэй онемел. Он не знал, что возразить, чем ответить.

«Скажи, что ты не изменишься? Скажи, что будешь любить его вечно? Что отдашь ему всё?»

— Впрочем... думаю, я не против встретить кого-то нового, — внезапно добавил Шэнь Цзя. Он

посмотрел на Чжоу Цзыфэя, и его губы тронула мягкая, светлая улыбка. — В тот день, когда я наглотался таблеток и лежал в холодной воде... мне было так темно и страшно. И я подумал: неужели это тот конец, к которому я стремился? Неужели после всех усилий я просто хочу умереть в ледяной ванне?

Он помешкал и продолжил:

— И когда ты вытащил меня... я понял, что всё-таки люблю тепло и свет. Если бы не познакомился с тобой, возможно, в тот день меня действительно не стало бы. Цзыфэй, спасибо, что спас мне жизнь.

Шэнь Цзя действительно не знал, как реагировать на особенное отношение Чжоу Цзыфэя, но это ничуть не мешало ему искренне благодарить его за спасение. Он ценил его доброту и дорожил их дружбой, не собираясь отдаляться или закрываться.

Чжоу Цзыфэй прекрасно понял его подтекст.

И именно поэтому он знал: Шэнь Цзя стоит всего на свете.

Чувства в груди забурлили, не оставляя места осторожности. Зачем тянуть? Каждая секунда, проведённая не в любви с этим человеком — напрасная трата жизни. Хватит ждать идеального момента, пока тот сам откроет сердце! Он ведь гонщик! Гонщик, который жмёт на газ и не снимает ногу с педали до самой финишной черты. Его стихия — рваться вперёд и без остатка врываться в сердце того, кто стоит перед ним.

И Чжоу Цзыфэй спросил:

— Ты всё ещё любишь его?

Каждый раз, когда Шэнь Цзя застывал с тоскливым взглядом, Цзыфэй сгорал от желания узнать: «О ком ты думаешь? Вспоминаешь ли вы с Юй Сянханом прошлое?» Он страстно хотел понять, осталось ли в этом чистом, драгоценном сердце хоть немного места, которое он мог бы занять.

Шэнь Цзя замер от неожиданности. Он опустил голову и молча уставился на собственные пальцы, сжимавшие одеяло, словно на них был записан ответ.

Любит ли?

Десять лет жизни не перечеркнуть одним взмахом. Но... он правда больше не хотел любить.

Четыре года отношений, шесть лет брака — и в итоге измена и неизбежный крах. У Юй

Сянхана любовник под боком, а он сам едва не отправился на тот свет. Откуда взяться силам на любовь?

И всё же...

Они ведь правда любили друг друга.

Прошное не было сном. Юй Сянхан действительно когда-то вытащил его из тьмы, и за его спиной Шэнь Цзя узнал, что такое тепло и безопасность. Пусть потом тот сам сбросил его в бездну, заставив снова корчиться от одиночества, но те годы искренней любви были настоящими.

Однако именно потому, что всё прошло, отпустить — лучшее спасение. Шэнь Цзя до конца дней будет благодарен Юй Сянхану за ту прежнюю нежность. Без его помощи он бы не вырос и не стал тем, кто он есть.

Но сегодня всё кончено. Любит он или нет — ни для него, ни для Юй Сянхана это больше не имеет значения.

В тот миг, когда Чжоу Цзыфэй вытащил его из ледяной воды, когда его выворачивало от проглоченных дрянных таблеток, Шэнь Цзя решил: пора простить себя и оставить прошлое в прошлом.

В палате повисла долгая, глубокая тишина. Чжоу Цзыфэй уже собрался перевести тему, чтобы сгладить неловкость, как Шэнь Цзя медленно поднял голову.

В лучах полуденного солнца плавно кружились пылинки. Он посмотрел на Чжоу Цзыфэя и тихо, едва заметно улыбнулся.

Эта тихая улыбка на измождённом, бледном лице вспыхнула удивительно живо и трепетно.

И Шэнь Цзя мягко произнёс:

— Думаю... больше нет.

Страница жизни, принадлежавшая Юй Сянхану, была перевёрнута навсегда.